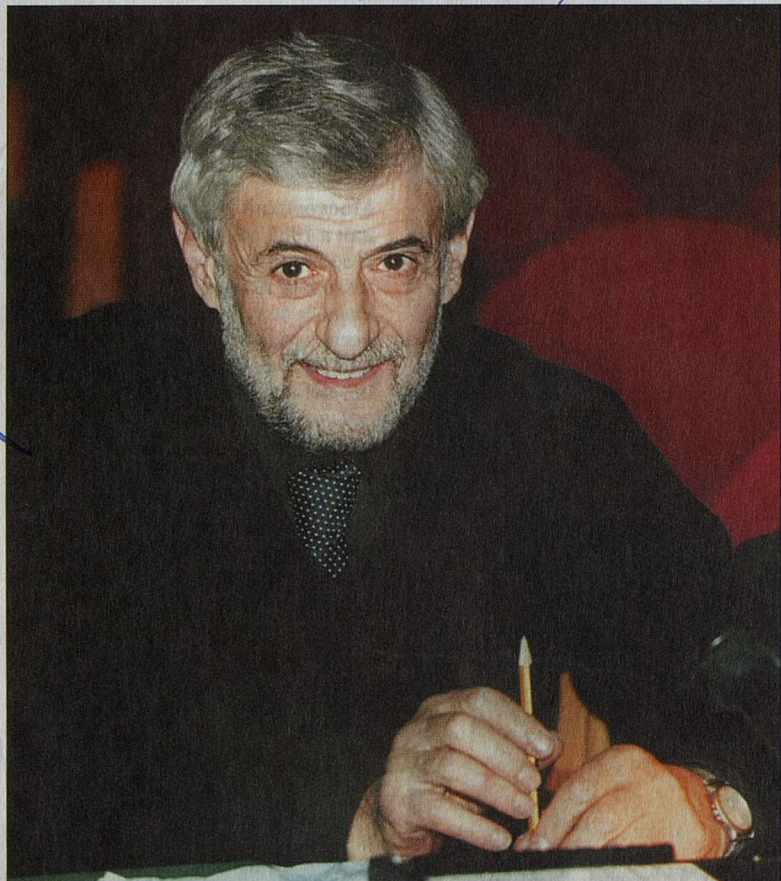

14/04/04 (анр.)

Новые театральные известия. — 2004 — № 4 (анр.). — с. 14

Левенталь Валерий

Михаил ГИТЕРМАН

Валерий Левенталь: «Не путайте сцену с витриной!»

— Я знаю, что время от времени вы преподаёте американским студентам-сценографам и разбираете с ними «Вишневый сад»...

— На первом занятии в Йельском университете я попросил студентов нарисовать все ремарки Чехова. Они принесли рисунки, а я сказал: «Теперь сдвиньте на рисунках всю мебель в левый угол». — «Почему?!» — «Потому что в России нет порядка расположения мебели. В американском доме есть центры компоновки, законы мебелировки, а в России все алогично...» Они были очень удивлены.

— Почему вы не хотите преподавать в Москве?

— В свое время я открыл отделение театральных художников в Школе-студии при МХАТе. На семь студентов-сценографов приходилось восемь профессоров. Все это закончилось в 1995 году, когда мне предложили брать со студентов плату за обучение. С этим я был категорически не согласен и ушел. Я вообще считаю, что преподавать искусство за деньги невозможно. Сын богатых родителей, чья мама рассказывает, какие у него замечательные акварели, статистически не так талантлив, как человек, обуреваемый страстью к искусству. А эта страсть, как правило, вспыхивает в немудрящих семьях.

— Как складываются судьбы ваших выпускников?

— Редко. Волею обстоятельств я с конца 60-х годов начал много работать на Западе, видел все наиболее значительные спектакли. Мне очень странно, что сейчас во всем мире за авангард выдается то, что я уже когда-то видел. Москва — очень эмоциональный город, тут периодически поднимаются волны трепета по поводу каких-то явлений, которые со стороны кажутся ничтожными. Впрочем, не хочу раздавать всем пилюли и пинки — это дурной тон.

— А чем вы сейчас занимаетесь в Америке?

— В основном живописью. Живу у себя на ферме, там у меня студия, оборудованная в бывшем коровнике. В мире есть несколько коллекционеров, которые заинтересованы в моих картинах.

— Как насчет ностальгии?

— Расскажите мне, что это такое. Я всю жизнь перемещаюсь по миру и везде нахожу для себя что-то интересное. Сейчас даже рад, что в радиусе 100 км от меня нет ни одного интеллигентного человека. Я бываю в Нью-Йорке, поскольку там живут мои дочь и внук, но нью-йоркский период у меня уже прошел, а тусовки я не люблю.

— Вы сейчас получаете предложение поработать в России?

— Редко. Театр должны делать молодые, потому что театр — это страсть.

решептывалась, что спектакль закрывают. А я в то время уже начал работать на Западе и понимал, что этот ажиотаж ни к чему.

— Понятен ажиотаж, поскольку Захаров сделал спектакль с аллюзиями на знаменитую постановку Мейерхольда...

— Нет, это все придумали позднее. Просто он сделал спектакль, где Папанов жрал газету «Правда». И все возбудились. Сейчас это, слава богу, ушло. Но еще не появилась та высоколобая публика, которая сформирует другой театр.

— Эфрос делал такой театр?

— Он не этим брал. На каком-то острие его странных слов вдруг возникало что-то, от чего актеры начинали по-особому двигаться и говорить. Но Эфрос никогда не вел интеллектуальных разговоров. И Эфремов не вел. Все, кто всерьез чем-либо занимался, говорили просто. Вот я вам говорю о высоколобых, но, прости меня, Господи, театр должен быть глуповатым. Он может вызывать слезы, катарсис — но вы заплачете над своей судьбой, потому что театр обращается непосредственно к вам. И художник, оформляя спектакль, все равно хочет протоптаться к вам, чтобы у вас родились какие-то личные ассоциации. Чтоб вы взглянули на сцену и сказали: «Это — про меня».

Беседовала Алла ШЕНДЕРОВА

Валерий Яковлевич ЛЕВЕНТАЛЬ, народный художник СССР, главный художник Большого театра в 1988–1995 годах, оформивший многие знаменитые спектакли трех последних десятилетий, предаваться воспоминаниям не любит. Он ироничен и несентиментален. Сходите во МХАТ, где еще играют «Чайку» и «Три сестры» в постановке Олега Ефремова, и вы убедитесь, что декорации этих спектаклей кажутся сотканными из всех оттенков ностальгии. Между тем в жизни непревзойденный специалист по пьесам Чехова, художник Левенталь ностальгии не признает. Последние годы Валерий Яковлевич живет в Америке. Занимается живописью. В России и Европе работает наездами. Интервью избегает. Но когда я напомнила ему о нынешнем 100-летию пьесы «Вишневый сад», спросила о знаменитой постановке Анатолия Эфроса в Театре на Таганке, неожиданно смягчился...

— Моя покойная мать на вопрос, где ее сын, отвечала: «Поехал вырубать вишневый сад». Я оформлял эту пьесу бесчисленное количество раз. С Эфросом мы потом делали его в Японии и в Финляндии, но «таганская» постановка была первой. Помню, как Анатолий Васильевич горел желанием работать у Любимова — они были тогда в очень теплых отношениях. Я же, придя на подмогу, где исповедовалась идея «бедного театра» и где Давид Боровский великолепно обнажал сцену, решил сделать «антиагланку» — прикрыть все, что является театральным оборудованием, и сделать сцену более менее традиционной. Поработав с Эфросом, я понял, что на такой драматургии, как Чехов, художник должен заниматься магическим реализмом. Когда, допустим, капля, падающая с потолка, может привлечь внимание всего зала своей магией. Этого магического реализма я пытался достичь позднее, оформляя «Вишневый сад» Олега Ефремова в МХАТе. Например, я придумал, что стена вдруг делается прозрачной и сквозь нее катится мячик, который толкнул еще покойный сын Раневской. Этот эффект мне удался, но в спектакле Ефремова он был ни к селу ни к городу...

— Почему?

— Олег Ефремов был почвенно-русским художником, и мои западнические соображения были ему не нужны. После каждого спектакля с Ефремовым я давал себе слово больше с ним не работать. Потом он набирал мой телефон и говорил своим замечательным голосом: «Валь, ну давай встретимся!» Мы встречались, и его необыкновенное обаяние и человечность вызывали у меня желание продолжать работать. Ефремов мучительно хотел понять проблему пространства. Ему часто ставили в вину, что он не эстет. Зато он, как подлинный актер, ощущал пространство собственным телом. Ефремов, как и Эфрос, был актерским режиссером, говорил с актерами на каком-то странном языке. С художниками так разговаривать невозможно — нужно апеллировать либо к нашим жизненным впечатлениям, либо находить аналогии в истории искусств. Помню, как Эфрос, взявшись за «Вишневый сад», сказал мне две фразы о клоунской кампании героев и о том, что все они обречены. Поэтому я и разместил их, как воробушков, на белой клумбе, среди могильных крестов.

— Когда «Вишневый сад» Эфроса сняли с репертуара «Таганки», его оформление просто вынесли на улицу. Как вы относитесь к судьбам своих декораций?

— Есть бородатый анекдот про цыгана, который приходит в дом, видит кучу грязных детей и спрашивает у жены: «Ну что — вымоем этих или сделаем новых?» В Америке бывают аукционы, на которых можно купить куски декораций, даже бутафорию из спектакля, а в России все это выкидывают. С другой стороны, ведь и сам спектакль жив очень недолгий период. Если ты художник, у тебя есть возможность написать холст. Если он хорошо написан, то с годами, как вино, станет еще лучше. И переживет тебя. А театральное искусство — эфемерность. Актерам в этом смысле гораздо тяжелее. Никогда не забуду, каким застенчивым становился на репетициях Эфроса Володя Высоцкий, игравший Лопахина. Он меня все спрашивал: «Как же я надену белый костюм и желтые ботинки — ведь я маленького роста?!» В этой роли, которая не совпадала с его обычным имиджем, он был необыкновенно искренним. И таким же незабываемым Лопахиным был Андрей Миронов в Театре сатиры.

— Вы и спектакль Плучека оформляли?

— Да, он шел на малой сцене. Плучек, к сожалению, работал в театре, который не соответствовал тогдашнему кодексу интеллигенции. Его постановка была замечательна какими-то маленькими деталями. И потрясающей работой Миронова. От его игры хотелось плакать, он вызывал почти катарсис.

— Я успел выпустить нескольких хороших художников. Например, Борис Лысов, работающий в «Школе современной пьесы», Николай Вагин, оформляющий спектакли по всей Сибири... Но вообще мои ученики вышли не в то время — они сейчас никому не нужны. Сейчас принято создавать на сцене пустое пространство, это своего рода экзистенциализм — «вот я таков». Но недаром же Бог дает художнику глаз и способность вложить тайну в белую стенку — значит, на сцене должно быть что-то, помимо минимализма. А сейчас у многих возникло ощущение, что сцена — подобие витрины Hugo Boss, Kelvin Klein и т.д. — но это глубокое заблуждение. Не путайте сцену с витриной!

— Бывая в России, вы часто ходите в театр?

— Я успел выпустить нескольких хороших художников. Например, Борис Лысов, работающий в «Школе современной пьесы», Николай Вагин, оформляющий спектакли по всей Сибири... Но вообще мои ученики вышли не в то время — они сейчас никому не нужны. Сейчас принято создавать на сцене пустое пространство, это своего рода экзистенциализм — «вот я таков». Но недаром же Бог дает художнику глаз и способность вложить тайну в белую стенку — значит, на сцене должно быть что-то, помимо минимализма. А сейчас у многих возникло ощущение, что сцена — подобие витрины Hugo Boss, Kelvin Klein и т.д. — но это глубокое заблуждение. Не путайте сцену с витриной!

Эскиз декорации спектакля «Цирк приехал». Московский музыкальный театр оперы и балета им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко.

Его могут делать и такие старцы, как я, но они должны заниматься только тем искусством, которое они исповедуют, а мне нравится театр сложный, многослойный, не поддающийся быстрому анализу. Его трудно делать, это дорогое и не очень нужное сейчас удовольствие. С другой стороны, хорошо, что в нынешней Москве театр больше не приравнивается ни к кафедре, ни к храму. Это был явный кризис сознания. Когда-то я делал «Доходное место» с Марком Захаровым, так вся Москва пе-

Московский академический театр им. Вл. Маяковского

ПРЕМЬЕРА
4, 11, 24, 30 апреля 2004 г.
в 19.00

Клер Бут Люс

РАЗВОД ПО-ЖЕНСКИ

Мелодраматическое шоу
Перевод В. Вульф и А. Чеботаря
Режиссер-постановщик
Заслуженный деятель искусств России,
лауреат Государственных премий России
Сергей Арцибашев

В ролях:
Народная артистка России Г.Анисимова
Заслуженные артистки России: Т.Ауткина,
Г.Беляева, О.Прокофьева, Л.Иванилова
Артисты: Д.Повереннова, Н.Бутыцева,
А.Ардова, А.Семенова, Т.Орлова

+
еще 10 очаровательных актрис
+
женский джазовый оркестр

Заказ билетов по телефонам:
290-62-41, 290-46-58

При финансовой поддержке фирмы «Инженер»